

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Анна Коэн

#ЗЕРНА ГРАНАТА

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К76

Коэн, Анна.
К76 Зерна граната : [роман] / Анна Коэн. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-112345-1

По воле главы криминального мира Кантабрии, Луиза и ее друзья отправляются в анархичную Иберию. Если они выполнят его приказ, то смогут начать новую жизнь. Но сдержит ли слово Теодор Крысиный Король? Принцессу Агнесс короновали на глазах всего света, но тут же с позором изгнали из столицы. Она хочет лишь спокойной жизни и исцеления для ее возлюбленного короля. Но позволит ли государство воплотиться её планам?

Юстас Андерсен слепо следует за идеальным человеком — герцогом Спегельрафом, — не зная его истинных целей. Долго ли он сможет оставаться орудием в руках бывшего Верховного Судьи?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112345-1

© Анна Коэн, текст, 2018
© Shutterstock Inc., фотография на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

1. ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОБ

Каждое рутинное действие можно превратить в ритуал, наполнить каждое мгновение особым, сакральным смыслом, приблизить его к таинству. Возможно, она не думала об этом. Возможно, наполняя кувшин теплой водой, переливая ее в фарфоровый таз для умывания, погружая в нее губку и поднося ее к прозрачно-тонкой руке лежащего, она лишь хотела выразить невыразимое — любовь к единственному, что у нее осталось, что еще не отняли. Она никоим образом не могла доверить эти простые заботы.

Лиловые веки чуть вздрагивают. Антуан спит и, быть может, видит сны. Ни в одной старинной сказке принцессе не приходилось сидеть у хрустальной гробницы своего принца, околдованного сонным ядом. Только наоборот. Но Агнесс уже давно перестала вообразить себя героиней сказки.

В тот день, когда смерть едва не забрала ее короля в свои владения, сама она опоздала, непростительно опоздала. В резиденции Спегельграфов Агнесс не застала даже Клемента, который должен был задержать Антуана и уговорить его принять помощь. Теперь король лежит, неподвижный и беззащитный, опутанный, точно терновником, трубками из жил и серебряными иглами. И больше всего походит на один из хитроумных аппаратов из собственной лаборатории.

Когда омовение было закончено, она взяла в руки черепаховый гребень, украшенный крохотными речными

жемчужинами, и принялась расчесывать длинные светлые волосы Антуана. Врачи хотели остричь его, но она не позволила.

Люди называли его Отравителем и Чудовищем за его дела, но она еще любила и верила в его душу, не способную желать зла.

Шипела и всхлипывала помпа, качавшая воздух в легкие, беззвучно проворачивались шестерни, выполнявшие работу слабого сердца, заставляя его пропускать через себя кровь. Еще десять лет назад Антуан был бы мертв без всех этих устройств. Он был бы мертв и теперь, не будь он Спегельрафом.

Через несколько мгновений, наполненных лишь звуками медицинских механизмов, Агнесс поняла, что смолкла музыка из шкатулки, поставленной ею у кровати. Отчего-то стало вдруг так холодно и страшно, что она задержала дыхание. Чтобы стереть нелепое наваждение, Агнесс подошла к окну и отворила обе высоких створки. Жаль, отсюда не видно ни моря, ни гор, ни лесов. Только город. Как бы ей хотелось увезти Антуана подальше от Хестенбурга, туда, где никто не сможет навредить им! Но он еще слишком слаб для путешествий.

И тут, далекие и оттого приглушенные, со стороны пристани послышались залпы орудий.

Агнесс вздрогнула и приложила ладонь к горлу. «Что бы это ни было, оно не пройдет стороной», — подумала она.

* * *

Вечером горничная доложила ей о визите некоего господина. По ее словам, у него был срочный и чрезвычайно важный разговор к королеве Агнесс. Подобное обращение, к которому она так и не имела возможности привыкнуть, заставило ее напрячься: человек, называющий ее законной правительницей Кантабрии, не мог быть безобидным.

После недолгих колебаний она решила принять его в чайной комнате — покинутый хозяином кабинет Фер-

динанда Спегельрафа до сих пор пугал ее. На его дверь хотелось повесить замок размером с рыцарский шлем и запретить к нему приближаться, как к зачумленному двору. Возможно, именно там у герцога возник и развился план убийства ее отца, короля Иоганна.

В соответствии с этикетом она позволила себе задержаться, а гостю — освоиться в ее доме. Через четверть часа она была готова к беседе: надела простую, но изысканную юбку из золотисто-розового атласа с жилетом того же цвета и белую блузу с пышным жабо. Волосы Агнесс оставила свободно ниспадать на плечи.

Высокий брюнет в строгом деловом костюме ждал, не проявляя ни малейших признаков раздражения или нетерпения. Когда она вошла, мужчина встал из-за невысокого резного столика с гнутыми ножками, поклонился и поцеловал ее протянутые в милостивом жесте пальцы.

— Ваше величество...

— Кто вы? Одно то, что вы пришли ко мне как к королеве, а не герцогине Спегельраф, дает мне повод для сомнений. — Агнесс отчаянно старалась, чтобы ее голос звучал уверенно и ровно, ни единой фальшивой нотой не выдавая ее тревог и страхов.

— Преданный слуга Короны, Кристофер Баккер, заместитель главы Дома Весов, к вашим услугам, моя королева. — Он выпрямился, и в свете газовых светильников сверкнули его очки в тонкой золотой оправе.

Вполне вероятно, что Агнесс видела его раньше, еще при жизни отца, но тогда подобные ему не привлекали ее внимания, а имена и лица стирались из памяти, не успев оставить след.

— Присядьте, герр Баккер. Что привело вас ко мне в этот вечер? И если королеве простится некоторое злонравие, то почему преданный слуга Короны именно сегодня решил заявить о своей преданности? — Она выгнула бровь.

— Не могу называть злонравием то, что принято считать умом и проницательностью, — с подчеркнуто любезной улыбкой ответил Баккер и слегка склонил голову.

«Льстец, — подумала Агнесс. — Ему что-то от меня нужно. Но у меня ничего нет!»

— В таком случае объяснитесь. Вы не можете заставить даму строить догадки и домыслы.

Объяснений пришлось дожидаться еще пару минут — подали ароматный олонский черный чай. Агнесс не решилась взять в руки крохотную чашку, чтобы не выдать волнения дрожью пальцев. Наконец они с заместителем главы Дома Весов остались наедине.

— Если позволите, я буду выражаться без витиеватостей, присущих придворным разговорам.

— Иного мне и не нужно, — кивнула Агнесс. — Говорите кратко.

— Как вам будет угодно, ваше величество. — Баккер сделал глоток обжигающего напитка и отставил чашку. — Президент убит. Сегодня утром. Солдаты дали залп чести — скорей всего, вы тоже его слышали. Но, к счастью, огласки пока удалось избежать. Разумные люди помнят, что случилось пять лет назад, и не хотят возобновления беспорядков.

— Убийца — герцог Спегельграф? — внутренне похолодев, уточнила она.

— Нет. Покушение герцога потерпело неудачу, как и прочие его начинания. — Баккер позволил себе холодную усмешку. — Произошла банальнейшая ссора между герром Мейером и его ближайшим сподвижником, графом Траубендагом. Оба мертвы — убийца расстрелян на месте.

— Значит... Жоакин Мейер мертв! Вы хотите сказать... — Ей все же не удалось сохранить маску спокойствия. — Если я правильно вас поняла, то стране предстоят новые выборы. Надеюсь, претенденты будут хотя бы вполтину так же достойны, как предыдущий президент. Насколько мне известно, он многое сделал для простых людей.

— Ровно столько же, сколько для разорения аристократии, — возразил Баккер. — Не могу не оценить вашей

утонченной дипломатичности, но вы кое-что упускаете из виду, Ваше величество.

«Вот оно! — догадалась Агнесс. — Сейчас он скажет, зачем пришел и чего добивается».

Баккер не спешил. Это пугало сильнее заряженного револьвера. Каждый его жест говорил — он является подлинным хозяином положения.

— Не скрою, — наконец продолжил представитель Дома Весов, — есть влиятельные люди, которые ратуют за сохранение республики, за новые выборы и так далее. Но гильдии — на вашей стороне. Все до единой.

Настал черед Агнесс выдерживать паузу. Теперь, когда все прояснилось, каждое сказанное слово будет иметь особый вес. Обожаемой дочери короля прочили балы, пышные приемы и безделье в компании безукоризненных фрейлин. Ее не учили править и вести переговоры. Пришло время осваивать эти науки самостоятельно.

Несмотря на то что разговор протекал в идиллической тишине, которую не нарушал даже вездесущий городской шум, мысли пронеслись в голове Агнесс стаями птиц, перепуганных выстрелами. Что будет, если она согласится? А если откажется? Что станет с Антуаном?..

— Сколько у меня на раздумья? — наконец спросила она.

— А разве это стоит хоть малейших раздумий? Ваше величество, вы единственный законный правитель, который может быть у Кантабрии. Вас уже короновали почти год назад. Вы произнесли клятву при свидетелях. Как все мы знаем, ваш супруг не может выполнять свой монарший долг, поэтому вы должны править вместо него.

— В день нашей коронации династия была свергнута, а Великая Кантабрия стала республикой, — возразила Агнесс. — Кто признает королеву после такого позора? Я не хочу вновь проходить сквозь толпу.

— Позором будет отречься от престола, — с нажимом произнес Баккер, перебирая заостренными по последней

моде ногтями. — Вам известно, что сила королей заключается в том, чтобы менять историю, ваше величество? И не только то, что должно произойти, но и то, что уже свершилось.

— Что вы хотите этим сказать?

— В историю войдет только то, что вы захотите там видеть. Если не откажетесь от этой чести. — Мужчина склонил голову и приложил ладонь к сердцу, будто принося присягу. — Но, боюсь, вам стоит поторопиться, моя королева. Совет состоится завтра в полдень, и, если вы не заявите свои права на кантабрийский престол, даже Гильдии не в силах будут вам помочь.

Агнесс встала, давая понять, что разговор окончен.

— Благодарю за визит, герр Баккер. Я приму решение к рассвету и буду готова о нем объявить. Где состоится Совет?

Баккер улыбнулся.

— Восточное крыло дворца уже восстановлено. Дома Зодчих и Мастеров немало сил вложили в этот проект.

Она сдержанно кивнула.

— Я буду там завтра в полдень. Какое бы решение ни приняла.

* * *

Гуннива Амберхольд пришла за час до полуночи.

Без записки, вложенной в надушенный конверт, без предупредительного звонка бронзового дверного колокола. Без лакея и охраны.

Тихонько постучала в дверь кухни, скрытую густым тенистым кустарником в недрах сада Спегельрафов. Назвала свое имя — и покорно ожидала, пока о ней доложат, согревая пальцы с обкусанными до мяса ногтями об оловянную кружку с кофе. Разумеется, ей, назвавшейся герцогиней и фрейлиной, не поверили.

На счастье Гуннивы, Агнесс не спала. Она не могла спать.

Ей в руки хотели вложить ношу, которую не смогли удержать ни ее отец, ни муж, ни Жоакин Мейер — а его боготворила вся страна, от Золотого Порты Галлии до Мыса Льдов. И дали только ночь на размышления. Что значили слова Баккера об истории, которую можно переписать? Неужели то, что даже год изгнания можно стереть из памяти народа, превратив его в нечто иное? Немыслимо...

Известие о таинственной гостье застигло ее врасплох — Агнесс почти решила малодушно ретироваться в Виндхунд, оставив судьбу страны другим и посвятив остаток жизни заботам об Антуане.

Хотя сонная горничная умудрилась несколько раз ошибиться в имени незнакомки, Агнесс тут же поняла, кто ждет ее в полутемной кухне, считая минуты, веря и не веря.

Она помнила Гунниву совершенно иной. Давным-давно это была утонченная придворная куколка, созданная для светских бесед и лукавого флирта, наперсница ее шалостей и детских интриг.

За выскобленным столом сидела, сгорбившись, заплаканная светловолосая женщина с тусклым безразличным взглядом. У Агнесс в груди скрутился болезненный узел. Она осторожно подошла и присела рядом, не нарушая молчания, которое было красноречивей любых слов. Взгляд невольно остановился на нескольких продольных царапинах на припухших щеках гостьи, какие может оставить только иступленная скорбь.

— Ты уже знаешь о нем? — Голос Гуннивы был глухим и хриловатым.

Агнесс не понадобилось задавать вопрос, чтобы понять, о ком идет речь.

— Узнала пару часов назад, — честно ответила она. — А утром слышала стрельбу.

Ее не удивило и тем более не оскорбило то, что бывшая фрейлина не обратилась к ней соответственно титулу, не раскланялась, даже не произнесла слов приветствия. Мрак

в желтоватых отблесках угасающего очага и единственной керосиновой лампы уравнил их, как уравнивал всех женщин, трудившихся в кухонном чаду изо дня в день.

— Я там была. Я была женщиной Мейера, — зачем-то уточнила Гуннива. Только слепой бы не понял этого.

— Сочувствую твоей утрате. — Агнесс с готовностью приняла роль утешительницы и протянула руку, чтобы коснуться острого плеча Гуннивы, но та отпрянула.

— Не думаю, ваше величество. Прежде чем жалеть меня, извольте выслушать всю правду. Если быть предельно откровенной, я бы никому не хотела этого рассказывать, но опасаясь, что ваша милость узнает обо всем от злых языков, а я окажусь лгуньей. Поэтому лучше я сама...

Ее рассказ был долгим, а речь — прерывистой. Агнесс узнала о том, как благородная дочь герцога прошла через череду публичных домов, цепляясь за жизнь и остатки достоинства, как была вызволена из рабства Мейером и как была ему благодарна. Но едва она смогла расправить плечи, ассистент Жоакина начал угрожать, что расскажет президенту об аристократическом происхождении фаворитки — и тот откажется от нее.

Но подлец не успел воплотить свои угрозы. Он сделал нечто худшее.

— Говорят, он не мучился, — простионала Гуннива. — Хотела бы я, чтобы ублюдок страдал за двоих, но нет! Его даже не судили!

Агнесс не знала, что ответить. Она даже не могла поднять глаз на подругу юности. Подобные чувства она испытывала много лет назад, когда ее любимец, коротколапый песик Дарси, возвращался с прогулки перемазанным землей и выкашливал на хозяйскую постель нечто многоное, пойманное в саду, скользкое от слюны и еще почти живое. Она не переставала любить его, но брезговала гладить, пока питомца не отмывали дочиста.

Настенные часы пробили час пополуночи.

— Презираете меня?

— Нет, — прошептала Агнесс, смахнув выступившие слезы стыда, — что ты, нет. Чем тебе помочь? Боюсь, я могу не так много, но комнат здесь достаточно, и ты вполне...

— Королева Кантабрии может все! — Глаза Гуннивы вдруг загорелись отчаянным огнем. — Если Жоакина признают преступником, и если... если... я не принимала от-вар уже несколько месяцев, — она понизила голос. — Понимаете?.. Если... тогда я погибну! Это хуже публичного дома... Это государственная измена!

Агнесс была королевой считанные секунды — от первого и до последнего слова клятвы, произнесенной в ратуше. Она не чувствовала себя королевой. Она ничего не должна была людям, погубившим ее отца, дом и юность. Но что-то подсказывало ей: если сейчас она откажется от короны, то загубленных жизней будет намного больше.

Пересилив себя, Агнесс взяла Гунниву за руку.

— Расскажи мне о Жоакине Мейере. Все, что знаешь. Тогда, возможно, я смогу что-то сделать.

* * *

Не раз за многовековую историю женщины восседали на троне Кантабрии и носили ее тяжелый изумрудный венец. Почти все они были вдовами, и многие становились ими по своей воле. К услугам правительниц были стилеты, яды, шелковые удавки и несчастные случаи. Сольвейг Справедливая избавилась от четырех супругов за двадцать лет своего правления, пока ей не перестали навязывать новых претендентов. Но это только легенды, верить которым — удел челяди.

Агнесс не была вдовой и не хотела ей быть. Но ее платье, маленькая шляпка с пером ворона и даже перчатки, которые она выбрала для появления на Совете, были черными, с павлиньим зеленым отливом. Так она выглядела старше и, как ей казалось, решительнее.

Экипаж проехал по разрушенному Золотому кварталу и остановился у распахнутых чугунных ворот. Агнесс вышла и осмотрелась. Прежде здесь был ее дом.

Когда ей говорили о реставрации дворца, Агнесс представлялись гравюры, изображавшие постройку древних пирамид или замков из камня: истощенные работники вереницами волочат громадные глыбы по деревянным подмосткам, и щелчки десятков кнутов подгоняют их. Но в действительности все оказалось иначе.

Агнесс никогда не видела такого скопления машин в одном месте — клопоча котлами и выпуская клубы пара, они перемещали к верхним уровням стропил каменные блоки и деревянные брусья. Кроме простых строителей в ярко-синих комбинезонах и льняных рубашках, там были архитекторы и инженеры, корпевшие над столами с чертежами под навесами от солнца. Рабочий день был уже в разгаре, но она не увидела того недовольства и усталости, которых ожидала.

Усмехнувшись своей наивности, она подобрала юбку и направилась к восточному крылу. На полпути ее встретил молодой человек в узком жилете и доложил, что ему велено препроводить королеву в Зал Совета. Она не приняла галантно поданной руки, но последовала за ним.

Восстановленная часть дворца была похожа на оригинал, но Агнесс не хватало цветов, картин, портьер, запахов, звуков... и отчаянно не хватало людей. На одном из подоконников она заметила чьи-то акварельные эскизы, среди которых была и зарисовка ее бывшего зимнего сада.

Наконец провожатый остановился у высоких, почти до потолка, дверей, чьи створки были украшены кантабрийским гербом — черный восьминогий конь Слейпнир на белом поле. Юноша хотел было отворить их, но Агнесс покачала головой и жестом велела ему уйти.

Когда он скрылся за поворотом, она прислушалась к происходящему в зале — не из любопытства, скорее из осторожности. Кто знает, что эти люди задумали на самом деле? Что она вообще о них знает?

«Не доверяй никому. Особенно герцогу».

Верховного судьи Спегельрафа наверняка не было на этом Совете. Но люди, которые взяли на себя решение судьбы королевства, должны быть равны ему по уму, силе и коварству.

Невнятный шум распался на отдельные реплики и голоса. Их было много, и все — мужские.

— ...абсурд! Оправдывать подобное — преступно!

— Если вы были столь не согласны с его политикой, то почему никогда не выступали против нее? — произнес, судя по голосу, Кристофер Баккер.

— Учились нейтралитету у Гильдий. Можно подумать, вы пытались что-то ему противопоставить. За ним была армия!

— Мощность страны — в армии! И у руля должен быть военный! Канцлер! Генералиссимус! Латной перчаткой держать вас, крыс бумажных! Что вы со своими бумажками против пули?

«Не доверяй военным, Агнесс. Их купили тогда и купят снова».

— Мы считаем, что Кантабрия уже не может быть прежней. Это республика, и мы требуем выборов. Невероятно, что вы отвергаете очевидное, — это, должно быть, говорил представитель Комитета по правам рабочих, правящей партии Парламента.

— А у вас есть кандидаты? — снова Баккер.

— Нет, но...

— Вот и молчите! — рявкнул военный.

Голоса вновь слились в мешанину вскриков, ударов кулаками о стол и бормотания.

Итак, основные мнения ей уже известны. Если дожидаться, пока Баккер упомянет о наследнице престола, — станет ясно, что она подслушивала. Допустить подобное было нельзя.

Двери из выбеленного дуба открылись мягко, почти беззвучно, но все в зале мгновенно умолкли и повернули к ней раскрасневшиеся в пылу спора лица.